

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Э. М. КОРХМАЗЯН, Армянская миниатюра Крыма (XIV—XVII вв.), изд-во АН Арм. ССР, Ереван, 1978, 132 с., XVII+68 илл.

Книжное искусство крымских армян, которому посвящено исследование Э. М. Корхмазян, представляет одно из ярких явлений в истории культуры средневековых армянских колоний. Падение в конце XIV в. Киликийского армянского царства вызвало не только рост армянских поселений Крыма, но и в определенной мере сказалось на ориентации крымских художников на киликийское художественное наследие. Чем больше всматриваешься в произведения армянских миниатюристов средневекового Крыма, тем более явственно ощущаешь феномен их искусства, развивавшегося как бы на водоразделе различных художественных традиций. Это обстоятельство создает дополнительные трудности при исследовании миниатюр армянских рукописей крымского происхождения, преодолеть которые должна была автор исследования, о котором идет речь.

Книга Э. М. Корхмазян несложна по своей структуре. Ее основной материал распределен по двум главам, из которых первая охватывает миниатюрную живопись крымских армян XIV—XV вв., вторая—XVI—XVII вв. В пределах каждой главы сгруппированы краткие очерки об отдельных мастерах, собственно и составляющие содержание этих глав. В приложении помещены краткое описание убранства сохранившихся в Крыму памятников армянской архитектуры, списки использованных рукописей и литературы, а также многочисленные иллюстрации. Содержание книги в сущности несколько шире по тематике ее заглавия, однако нельзя сказать, что обзор декора армянских архитектурных памятников Крыма здесь является излишним. Он хорошо дополняет выводы, полученные при изучении книжной миниатюры.

Пожалуй, не так много можно привести случаев, когда развитие армянской книжной миниатюры проходило в таком тесном и органическом взаимодействии с искусством Византии и Запада, как в богатой и многонациональной крымской Кафе—одной из гетуэских колоний. Аналогичное явление наблюдается разве только в Киликийском армянском царстве, однако со своими особенностями, обусловленными исторически сложившимися причинами. Особый интерес представляют рукописи, выполненные в среде униатов. Конфессиональная принадлежность заказчика и исполнителя не могла не сказаться на характере иллюминированной книги. У автора исследования «Армянская миниатюра Крыма» не было прямых предшественников. Отдельные замечания, рассыпанные по трудам различных ученых, не давали целостного представления о крымской миниатюре армян XIV—XVII вв. Поэтому, говоря о книге Э. М. Корхмазян, следует помнить, что это первая работа, сочетающая разносторонний анализ отдельных памятников с тенденциями к обобщениям, дающим представление о путях развития крымской армянской миниатюры в целом.

Прослеживая истоки художественного стиля наиболее ранних образцов армянской миниатюры из Крыма, относящихся к XIV в., Э. М. Корхмазян отмечает два принципиально важных положения: 1. в книжной живописи скрестились традиции коренной и Киликийской Армении, испытавшие одновременно воздействия искусства греческих и итальянских колонистов Крыма; 2. в большинстве случаев ясно выражена художественная ориентация мастеров со специфическими чертами, благодаря которым почти всегда можно определить произведения крымского происхождения. Как указывает автор книги, определяющими в развитии искусства крымских армян яви-

лись традиции искусства северо-западной, так называемой Высокой Армении. А на развитие крымской миниатюры большое влияние оказало искусство мастеров Киликийской Армении. Подчеркивает исследовательница и роль киликийского художественного импорта. Анализ памятных записей дает немало ценных исторических данных, позволяющих понять, чем именно являлась книга в жизни крымских армян.

Ряд миниатюр ранних крымских армянских рукописей отмечен явным использованием византийских моделей, которое не всегда сводится лишь к заимствованию иконографической схемы. Привнесение византиизирующих тенденций в крымскую армянскую миниатюру в 1340-х гг., по-видимому, было связано если не с деятельностью отдельных мастеров, то, по крайней мере, с художниками младшего поколения. Э. М. Корхмазян предполагает, что для украшенных Аветисом в 1344 и 1346 гг. Евангелий послужила образцом, по-видимому, какая-то киликийская рукопись (с. 36). Чем можно объяснить разительное отличие по исполнению украшенных Аветисом рукописей? Не роль ли образца? Автор книги отмечает черты индивидуального творчества художника, интерпретацию им более ранних образцов. Это закономерное явление, и проследить его можно на многочисленных примерах. Византиизирующими в известной мере являются и миниатюры одного из наиболее значительных армянских художников Крыма—Аракела, работавшего в середине XIV в., хотя это обстоятельство никак не определяет черты своеобразия искусства этого мастера. Судя по всему, византиизирующие тенденции воспринимались крымскими художниками XIV в. не непосредственно, а как своеобразный компонент стиля образцов книжного искусства, возникших в Киликийской Армении. Но некоторые крымские мастера (например, Григор Сукиасянц), как справедливо заключает Э. М. Корхмазян, использовали в качестве оригинала и непосредственно миниатюры греческих рукописей.

В задачи нашей рецензии не может входить дискуссия по множеству частных вопросов, касающихся иконографии и стилистических проблем. Мы достаточно хорошо понимаем, что ставить вопросы значительно легче, чем на них отвечать, особенно в тех случаях, когда речь идет о таком сложном по составу, малоизученном материале, каким является армянская миниатюра средневекового Крыма. Как всякое «колониальное» искусство, миниатюра крымских армян не может быть определена однозначно, в нескольких словах. Автор книги на конкретных примерах хорошо показывает роль истоков, питавших это искусство. Это тем более существенно потому, что армянская миниатюра Крыма в плане типологии своего развития имеет аналоги в тех национальных искусствах, которые испытывали в своем развитии достаточно активные воздействия Византии и Запада, что, однако, не мешало им прокладывать свой путь (Украина, балканские славяне). Правда, крымские армяне находились здесь в несколько лучшем положении, поскольку имели под собой древнюю национальную традицию, на которую все разнообразие культурные воздействия в конечном счете напластовывались тонким слоем. И даже обращение к достижениям европейского ренессансного искусства оказалось не в состоянии радикально изменить общее течение.

Иллюминированные армянские книги XVI—XVII вв. из Крыма, немногочисленные количественно, заметно уступают и в качественном отношении более ранним памятникам. Исторические условия этого времени отнюдь никак не могли служить предпосылкой для расцвета армянского искусства книги. Однако было бы крайне несправедливым говорить об упадке. Новая эпоха принесла иные потребности, иной иконографический репертуар; сыграла свою роль и печатная книга. Как и в искусстве других народов, в эту эпоху заметно усиливается повествовательное начало, ведущее к развитию обширных иллюстрационных циклов. Армянские художники Крыма также не остались в стороне от этого процесса, о чем говорит хотя бы творчество Никогойоса Цахкарара. Усиливающаяся роль образца в искусстве этой эпохи начинает приобретать самодовлеющее значение и из ориентира, дававшего прежде всего иконографическую схему, практически превращается в застывший шаблон. Отсюда остался один шаг на пути превращения миниатюры из произведения искусства в про-

дукт художественного ремесла, и его сделали крымские мастера XVIII в., тем самым похоронив живую художественную традицию, питавшую на протяжении нескольких столетий армянское искусство средневекового Крыма.

Что нового вносит книга Э. М. Корхмазян об армянской миниатюре Крыма? Прежде всего осмысление обширного и весьма сложного по своему составу материала, важного, надо сказать, не только для истории собственно армянского искусства, но и для средневекового искусства вообще. К сожалению, в искусствознании когда-то установилась традиция прослеживать развитие художественной культуры лишь на примере «классических» стран. Но в жизни никогда не было такого деления, и книга Э. М. Корхмазян хорошо показывает извилистость живого художественного процесса, движущие силы которого менее всего различали в искусстве «свое» и «чужое», но избирали прежде всего то, что наиболее соответствовало их эстетическим вкусам и отвечало духовным запросам их современников. Без уяснения этих предпосылок оказывается невозможным понять причинность многих явлений в искусстве миниатюры крымских армян. Положительной чертой исследования «Армянская миниатюра Крыма» является и то, что его автор отфривляется не от запрограммированных положений, но исходит исключительно из анализа материала. А это более верный путь, не только оставляющий открытыми исходные данные, но и дающий возможность читателю параллельно вести разыскания в несколько ином аспекте. Поэтому книга Э. М. Корхмазян с полным правом может быть охарактеризована не только как труд, имеющий познавательную ценность: на сегодняшний день это наиболее серьезное научное исследование об искусстве крымских армян XIV—XVII вв., хотя и посвященное преимущественно миниатюре. Материалы, вынесенные в приложение, со временем должны стать предметом такого же пристального внимания.

ВАСИЛИЙ ПУЦКО (Калуга)